

Биографический отдел

Truth is stranger than fiction (Лже
правдоподобнее правды?).
"Stop press" — остановка печати, условной за-
головок, под к-ром газеты печатают только что полу-
чившие сенсационные **новости**. У нас в таких слу-
чаях ставят: „Когда вернется номер“.
**Толстой: „Гладких, жуирующих и само-
Худвольных мыслителей и художников не
бывает.“**

Биографический отдел

Воспоминания студентов филологического факультета БашГУ разных лет

И. Раздумина:

Мы сдавали экзамен по литературе. А студенткой, надо сказать, я была той еще - с третьего курса по ночам работала в ночном клубе, поэтому часто мне не хватало времени на то, чтобы толком подготовиться к зачетам-экзаменам. Учила урывками, писала шпаргалки и бомбы — все, как у нормальных студентов! Ромэн Гафанович потрясающе рассказывал, умел вовлечь любого, даже самого ленивого студента. На его лекциях все слушали, затаив дыхание. И так же вразумительно записывали за лектором. Поэтому и готовиться к экзамену по предмету Назирова было легко, а сдавать — непринужденно. Но я не успела доучить все билеты. И вот для подстраховки придумала — а положу-ка я себе на колени волшебную тетрадь с лекциями Ромэна Гафановича. Если не смогу воспользоваться, так хотя бы для успокоения — это тоже отлично работает! Тем более что Ромэн Гафанович имел обыкновение ходить по аудитории — и во время своих лекций, и во время приема экзамена. Вот и на этот раз он совершал рейд между партами, давая мне, дерзкой нахалке, возможность подсмотреть. И я это сделала! Педагог повернулся ко мне спиной, и я быстренько отлистала положенные страницы в тетради. Хоть убейте, не помню, какой именно билет мне попался. Но я все учила — нужно было лишь молниеносно пробежаться глазами по знакомой теме, и все. И вот сижу я такая довольная — все вспомнила, перевариваю, чтобы быстренько это все законспектировать и пойти отвечать. И вдруг у меня с колен падает тетрадь! И причем так далеко от меня падает. А тишина в аудитории стояла первозданная — тишь да благодать. Тетрадь немаленькая. Мне почудилось, что упал кусок арматуры — так громко это прозвучало. Секундный ступор. Потом — мысли заметались наперегонки: что делать? Поднять и живо положить тетрадь туда, где она и была — на колени, пока Ромэн Гафанович никак не отреагировал? Отпинать удружившую мне шпаргалку подальше от себя под соседний стол и прикинуться невинной овечкой — не мое де? А Назиров между тем так и ходил по аудитории, не сбавляя скорости. Ждал, когда начнет отвечать первый экзаменуемый. Деревянными ногами я пододвинула тетрадь поближе, наступила на нее обеими туфлями и замерла. Точно помню, что чувствовала в тот миг — как будто разверзлась земля и сейчас меня поглотит без остатка злая сила. Мучительно стыдно и жутко — прямо до физической

боли. И вот пока меня терзают муки совести, а лицо, думаю, полыхает всеми цветами радуги, Ромэн Гафанович вдруг неожиданно начинает что-то насвистывать. Негромко, себе под нос. И так же ходит меж рядов. Уф, мамочка родная, думаю я! Дожидаюсь, когда он в очередной раз поворачивается ко мне спиной, молниеносно наклоняюсь и поднимаю злодейку-тетрадь! Все, спасена! Кладу ее себе на колени. Выдыхаю. Жизнь прекрасна! Отвечала я предпоследней. За время ожидания своей очереди у меня была возможность хорошо спрятать на себе тетрадь, что я и сделала. И отвечать пошла бодро, почти в вприпрыжку. Сдала я на пять. И до сих пор благодарна Ромэну Гафановичу за то, что даже намеком мне не показал, что в курсе моего позорного шпаргалства. Не зря ведь он насвистывал!

Он восхищался моей одноклассницей. Дело было после защиты диплома. Он вместе с Гайсиной сидел на нашей защите. И вот в конце, когда мы уже сидели за накрытым столом и радовались, Назиров в восхищении обсуждал со мной Наташу. Сама Наталья вышла. А Ромэн Гафанович сидел возле меня. И не смог смолчать.

Он разводит руками и восторженно мне говорил: «Вы видели, какие у нее ноги?! Какая красота!». Говорил он это не тихо, украдкой, а вполне в голос. Делился эмоциями со всеми. Сидевшая напротив Гайсина в какой-то момент не выдержала и сделала ему замечание. «Ромэн Гафанович, они же студентки, как можно?». На что Назиров, покрутив вилкой, изрек: «Они сегодня защитились, так что не студентки, а коллеги». Разумный довод.

Ю. Марьенко:

Весна для многих студентов была не цветущим волшебством, а временем кропотливой работы над курсовыми и тотальной зубрежки перед зачетами. Суматоха, бессонные ночи, покрасневшие глаза, и самое главное — трепет перед тяжелыми дверями, за которыми профессора, доценты и иже с ними ожидали четверокурсников. Одним из последних зачетов мне предстояло сдать профессору Назирову. Получила билет, поняла, что не могу вспомнить почти ничего относительно полученных вопросов. Легкая паника усугублялась суровой обстановкой кафедры и индифферентным выражением лица профессора Назирова. Вдруг он встал и вышел из комнаты, я продолжила борьбу с коварной памятью, отказывавшей мне в такой сложный момент. Вошёл Назиров. «Это ваши стихи напечатаны в стенгазете? — спросил он, — Шикарная строчка: И зимне-снежная коса касается елей, как у вас дальше?» «Как поседели небеса, и сыплют сединой, а темный лес закрыл глаза, чаруемый зимой» — пробормотала я, и вдруг поняла, что этот непринужденный разговор оказал на меня магическое воздействие: волнение ушло, ответ на вопрос я вспомнила практически сразу, отвечала четко и уверенно, и с радостью получила зачетку. Конечно, профессор Назиров не столько был восхищён не слишком умелыми стихами своей подопечной. Он тактично и мягко попытался помочь мне побороть волнение и страх, и ему это удалось великолепно, как, впрочем, удавалось все, к чему он прикладывал свой талант и глубокие познания.

В. Глушкова:

Знаешь, запомнилось вот что — его умиротворенность. Мудрое спокойствие. А близко с ним общаться не пришлось, к сожалению. Умиротворенность в походке. В облике. В позе — помню как-то он сидел у себя на кафедре, такой спокойный и раскованный. Человек который принимает жизнь такой, какая она есть. . .

Е. Волосатова:

Занятие спецкурса. В аудитории 10–15 студентов. Р. Г. цитирует что-то на английском.

— Переведите!

Тишина, все переглядываются.

— Что, никто не знает английского? Не верю, вы же четвертый курс! Переведите! — сердито.

Тишина.

— Что за черт! Так, кто английский знает, руки поднимите!

Улыбки, переглядывания, шопоток. Ни одной руки.

— Так, спрошу по-другому — кто изучает английский?

Лес рук.

— Ну вы. . . филологи! (Невольная улыбка)

Девушка читает доклад за кафедрой, волнуется, боится оторваться от записей. У Р. Г. хорошее настроение, он что-то, кажется, даже напевает тихонько, проходя между рядами. Обращаясь к докладчице:

— Да, вы же Наташа, кажется, Окунева?

— Да. . . (недоуменно)

— А вот выйдите замуж за Щукина и возьмете двойную фамилию и будете Окуневой-Щукиной, — Р. Г. с лукавой мальчишеской улыбкой.

Как-то зашел разговор о рекламе, которую только начали вставлять в художественные фильмы (90-е годы). Мнение Р. Г.: Зря вы возмущаетесь. . . Можно встать, пойти на кухню, поставить чайник. Можно выкурить маленькую папироску. . . Поцеловаться, наконец!

